

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

*Сборник Всероссийского семинара молодых ученых
им. П.В. Копнина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

ИСТИНА И ЕЕ ГРАНИЧНЫЕ ПОНЯТИЯ

А.К. СУХОТИН

Современная методология науки все более обращается к проблемам, сопутствующим поиску истины. Традиционные определения истины как знания, которое соответствует объекту вне нас, уже не способны отобразить многие перипетии исследовательского поиска. Они слишком жестко ограничивают возможности ученого использовать набор средств, приемов его деятельности.

Связанные с традиционным подходом к истине требования и критерии оказываются трудновыполнимыми либо вообще не приемлемыми. Это касается таких основных гносеологических установок, как обязательная проверяемость добытого знания, его доказательность и связанная с этим возможность опровержения, это также и обязательность предсказаний [1, с. 15–18].

Основным правилом проверки на истинность принимается принцип верификации. Однако, как показал опыт науки, этот принцип весьма ограничен прежде всего временными рамками, поскольку процесс растягивается во времени, а нам нужно знать *сейчас*. Был поставлен и такой вопрос, верифицируем ли сам принцип верификации? Если да, то каковы способы этой процедуры опытной проверки? Они так и не были сформулированы. Характерно, что математические аксиомы вообще принимаются без доказательства и без какой-либо проверки. Вместе с тем в математике есть предложения, которые самоочевидны без всякой проверки, тем не менее они доказываются. Например, положение о том, что сумма двух сторон треугольника больше, чем третья сторона. Не случайно, что К. Поппер в свое время, недовольный принципом верификации, предложил противоположный принцип – фальсификации, согласно которому истина проверяется не тем, что она подтверждается, а тем, что опровергается.

Далее. Наука часто прибегает к гипотезам, проблематичным допущениям, вероятностным рассуждениям, которые далеки от строгих нормативов истинного знания.

Наконец, наука часто обращается к образам искусства, религиозным сюжетам и другим вненаучным и даже антинаучным областям, используя их в своем продвижении к истине. Широкую роль играют оценочные мотивы, выводящие деятелей науки за границы их исконных интересов. Не напрасно М. Планк заявил, что ценность важнее знания, поскольку за нею стоит более значимое содержание, чем просто адекватное воспроизведение реальности.

Всё сказанное нами и многое другое, здесь не упомянутое, подводит к мысли, что традиционное понятие истины должно быть расширено и дополнено такими подходами, которые бы учитывали возможность включать в определение истины и области вненаучных факторов, которые, вступая в научный поиск, могут эффективно помогать в достижении научных целей. Речь, стало быть, идет о дополнительных, ослабленных, но тем не менее допустимых показателях истины, которые рядом с основными ее критериями оказывают столь же плодотворные усилия в эволюции научного знания. Характеризуя это направление человеческой мысли, И. Касавин написал: «Не только научное знание, но и заблуждения, фантазии,

верования, убеждения, предрассудки и обыденные представления и нравственные решения являются формами знания» [2, с. 34].

Выделим из многочисленных форм проявлений вненаучной и околонаучной деятельности три вида: мифология, идеология и искусство, которые выражены соответственно в понятиях: мифологема, идеологема и истина-правда.

Мифология – особый вид истолкования действительности, когда оперируют такими продуктами мысли, которые принимаются как существующие наряду с вещами и явлениями, нас окружающими. То есть ирреальное воспринимается как сама реальность, и человек верит в то, что выдумано им так же, как он верит в материальные предметы. Сказка и т.п. – столь же выдумка, но сказочник и слушатель отдают себе отчет, что герои сказок и дела, которые они творят, придуманы и не существуют в действительности, человек же, разделяющий мифологические воззрения, признает мифические образы и действия в качестве объективно, вне сознания имеющиеся факты. Также и от искусства мифологию отличает то, что человек понимает образы искусства лишь в качестве отраженной им реальности, мифология же рассматривает продукты мысли как разновидность реального бытия: например то, что многие пятилетние планы народнохозяйственного развития СССР выполнялись в четыре года, или то, что принадлежавшая чиновничеству социалистическая собственность была народной и т.д.

В основе мифологии заложены такие гносеологические механизмы, как отождествление части и целого, слова и называемой им вещи, знака и предмета. Всё подобное происходит, согласно теореме Томаса, потому что если человек определяет ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям. То есть люди как бы подстраиваются под процессы, о которых они слышат, которые им нравятся. В этом отношении наука проигрывает мифологии, так как результаты науки достаточно сложны, доступны немногим, а мифы доступны широкому кругу людей, которые мыслят образами, а не абстракциями, слишком отдаленными от жизненных целей и установок.

Таким образом, для человека, разделяющего мифологический образ мышления, мифы не отражение реальности, а одно из проявлений последней. Но в них обнаруживаются ценные для науки сведения. Одна иллюстрация.

Как-то в сороковых годах прошлого века студент Томского политехнического института (ныне университета) Пышкин, будучи на практике в Средней Азии, услышал легенду об одном озере. Оно было очень красиво, сияло разноцветьем красок. Но о нем шла молва, что озеро охраняют злые духи, которые каждого, кто к нему приблизится, карают смертью. Сказание заинтересовало: а не свидетельствует ли это о наличии у берегов озера ртути? Она-то, быть может, и вызывает удивительной красоты картину, а с другой стороны, вдыхание паров ртути смертельно опасно. Пышкин настоял на том, чтобы организовать к озеру экспедицию, которая и подтвердила наличие в том районе залежей ртути.

Иной областью вненаучного знания, пограничного с наукой и поставляющего ей «сырьё», способствующего поиску, выступает идеология с ее центральным понятием «идеологема».

По определению, идеологема есть также соответствие знания, но не объекту вне нас, как это свойственно истине, а политической позиции, отстаиваемой общественным классом, к которому принадлежит идеолог. Понятие идеологии ввел де Трасси еще в XVIII в. как выражение недовольства ученого мира философией системосозидания и мировоззрения, проповедующих взгляд на мир в целом с точки зрения установок определенных социальных групп. Философия, согласно де Трасси, должна быть наукой, а не идеологией. В нашей стране во времена советской власти бытовало мнение, будто возможна научная идеология. Такой идеологией провозглашался марксизм, поскольку, дескать, он ут-

верждает идеи самого передового прогрессивного класса пролетариата. Пролетарий, лишенный частной собственности, должен был, по идее Маркса, возвести в принцип всего общества то, что общество возвело в принцип только одного пролетариата, то есть уничтожить любую частную собственность. Это и делает его до конца революционным и прогрессивным классом.

Что же дает идеология ценного для науки? Она ценна не столько содержанием ее идей (хотя и в них есть позитивные моменты), сколько тем, что выдает ученому определенные нравственные ориентиры отношения к научной деятельности: страстное отношение к работе (граничащее, правда, иногда с фанатизмом), преданность избранной теме исследования, бескомпромиссное отстаивание своей правоты и т.д.). Конечно, все это, вся эта страстность, убежденность не должны переходить за грань уважения к коллегам и оппонентам. Идеология накопила немало сведений, которые помогли разработать такие темы, как авторитет в науке и авторитарность, роль чувственного начала в научном познании и значение образа. Идеология собрала многие мысли о значении личностного начала научного творчества. Среди массы идеологических решений, часто односторонних, предвзято классовых, содержатся и такие, которые вошли в положительный состав опыта научных теорий, особенно в области социальных дисциплин.

Наконец, третьим видом вненаучного знания, граничащим с областью науки, претендует быть искусство. Здесь разработано такое понятие, как «истина-правда».

Действительно, художественное творчество хотя и является воспроизведением реальности, но при этом здесь не говорят об истине как отражении бытия, а говорят о правдивости этих отображений. Категория «истинность» в применении к искусству означает не адекватность его внешнему миру, а уровень талантливости автора, его умение создавать образцы художественных творений. Поэтому здесь и принято говорить не об истине, а о правде.

Произведение искусства правдиво не в том смысле, что оно содержит истину, а ином значении. Творение художника правдиво, если ему удалось выразить свое понимание мира, свои чувства и переживания таким образом, что это вызывает у читателя, слушателя, зрителя точно такие чувства, какие пережил сам художник. Л. Толстой следующим образом выразил эту мысль. Мальчик видел волка, испугался и рассказывает об этом людям. Если рассказ вызвал у слушателей чувство страха, значит, он был художественным, если же у слушателей не возникает подобного чувства, это означает, что мальчик лишен художественного чутья.

Следовательно, художник должен обладать двумя свойствами. Отобразив реальность, он должен, во-первых, уметь глубоко чувствовать, а во-вторых, иметь талант найти соответствующие художественные средства, чтобы передать эти чувства в форме, вызывающей у читателя, зрителя и т.д. эти его переживания. И это второе – самое главное, что делает человека художником. Ведь чувствовать и переживать способен не только художник, но каждый человек, и столь же глубоко, как натуры художественно одаренные, а вот найти соответствующие этому средства художественного воплощения способен далеко не каждый воспринимающий мир.

Подытоживая сказанное о вненаучных формах истины, необходимо подчеркнуть, что все эти формы развиваются в рамках основного деления истины на онтологическую (истина бытия), гносеологическую (истина как адекватное воспроизведение мира в виде знания, соответствующего объекту вне нас) и формально-логическую (истина в качестве взаимосогласованных элементов, частей знания, взятых в пространственном (то есть в каждый данный момент

времени), а также временнóм (значит, рассматриваемых в эволюции науки, следовательно, добытых в разное время) измерениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Огурцов А.П.* Выступление на «Круглом столе» «Вопросов философии» «Псевдонаучное знание в современной культуре» // Вопросы философии. 2001. № 1.
2. *Касагин И.Т.* Миграция, креативность, текст. Л., 1949.